

Ролан Нотман

ЧЛЕН БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

РОЖА НЕ ПО ЧИНУ

У болот двойное дно,
Раздвоенье в душах...
Мы с природой заодно –
И с водой, и с сушей.

В ней обвал, и в нас обвал –
Рядом смерть и роды.
Господь Бог не уставал
Нас лепить с природы.

Герои в этих рассказах синтезированы. Конечно, у них есть или были реальные прототипы. Больше того: в родном городе их могут легко узнать. Но вот признать эти прототипы гораздо труднее. Потому что написаны они по гоголевскому принципу: от одного взят рост, от другого – характер, от третьего – привычка, а от четвертого – голос. А объединяют их совсем не внешние признаки, а только те эпизоды из жизни, когда они работали в одной и той же организации, но в разное время: одни при диктатуре пролетариата, другие при партократии, которая пролетариат сначала ловко отодвинула в сторону, а потом о нем попросту забыла, третьи при перестройке и распаде социализма, ну а все остальные в наше время, не поддающееся точному определению – то ли это капитализм со своим лицом, то ли он совсем без лица, то ли это заимствованный строй, но еще не понятно, от кого.

Поэтому нам легче вспоминать одни эпизоды – они конкретнее и точнее, на наш взгляд, характеризуют время. К сожалению, многие детали из этих событий и фактов автор уже не помнит – он в годах и для

восстановления памяти пьет таблетки ноотропила, которым тоже верить едва ли можно. У нас лекарств-пустышек гораздо больше, чем тех, которые лечат. Такое сейчас время. Но это и не столь важно для рассказов – в них всегда есть место воображению и догадке. Они, на писательский взгляд, гораздо интереснее, чем подлинные люди и факты.

...Итак, в областной и самой тиражной газете области проходила утренняя планерка. Все журналисты были молчаливы и напряжены. Наш добрый редактор в такие дни напоминал Змея-Горыныча, который готов был больно клюнуть, правда, не смертельно, любого журналиста. Чему никто не удивлялся – в Москве заканчивал работу один из последних съездов Коммунистической партии Советского Союза.

На столе редактора уже лежали черновые полосы с докладом еще живого Леонида Ильича Брежнева и с портретами членов нового избранного политбюро и кандидатов в эти члены. Редактор, сознавая особую важность выходящего в свет номера, мрачно спросил:

– Кто дежурный по номеру?

– Олег, – торопливо уточнил ответственный секретарь.

Наш интеллигентный и умный редактор, в обычном общении очень доброжелательный человек, подозрительно осматривал меня, словно подозревая, что я завтра предам Родину, и буркнул:

– Ну-ну...

Да, дежурным по этому злосчастному номеру довелось быть мне. График в газете соблюдался с точностью метронома.

И при выходе таких официальных номеров никто в газете не хотел подменять дежурного. По многим причинам. Во-первых, в съездовских номерах за малейшую ошибку наказывали по полной программе. Вторых, все знали, что номер затянется до глубокой ночи. От ТАСС приходили поправки по докладу генсека и выступлениям участников съезда со скоростью объезженной улитки. Тогда не было еще электронной почты и печати, когда почти мгновенно все можно подправить, добавить, изменить и подрисовать. Текст набирался долго, клише со снимками переделывали много раз.

Кроме того, эти торжественные номера журналисты не любили и по другим причинам. Еще со времен Хрущева. Этот кукурузный фанат своими бесконечно длинными выступлениями «съедал» в газетах всю гонорарную площадь. При его говорливости откладывались оперативные репортажи, злободневные аналитические статьи, даже золотые оперативные информации, добытые если не кровью, то уж точно, что недосыпом и нервотрепкой. Официоз был обязателен, как дождь в непогоду. Доклады и выступления генсеков напоминали неизбежность старости и увядания.

Правда, был и один плюс от этого. Официоз добавлял журналистам, увильнувшим от него, свободное время. Можно было поиграть в шахматы, попрыгать у теннисного стола, сбегать в бильярдную, поболтать с редакционными девчонками.

Но дежурной бригаде и, прежде всего, редактору ничего из этого в тот день не светило. Мы стояли у стола и бдительно вглядывались в принесенные из цеха еще черновые полосы.

— А кто это?! — вдруг спросил брезгливо редактор у заместителя ответственного секретаря, показывая на клише с портретом какого-то мордатого человека среди членов политбюро.

Наш Петька, уже дорабатывающий всю свою жизнь в редакции — вечный зам. ответсека, — тут же бодро ответил:

— Это председатель ревизионной комиссии. Сизов или Тузов... Кандидат в члены политбюро. Сейчас точно не помню.

Редактор тут же вспикел:

— Вы что же, Петр Николаевич, ставите в номер членов политбюро, не зная, кто есть кто?!

— Да знаю, — протянул лениво и оскорбительно для членов политбюро Петька.

— А вы не обратили внимания, — раздражаясь все больше, и уже гневным басом спросил редактор, — что на снимке председатель ревизионной комиссии выглядит представительнее и заметнее, чем генеральный секретарь нашей партии?

— А у него рожу не по чину, — ответил с полной непочтительностью Петька. — Мы

его клише уже три раза переделывали. Хотели этому мужику уже уши отрезать, чтобы рожу маленько сузить. Еще хуже получается, сразу бросается в глаза. Природа у него такая — мордатая...

— Так... — протянул зловеще редактор. — Петра Николаевича сегодня от дежурства освободить. Заменить ответственным секретарем. Клише переделать еще раз. Председателя ревизионной комиссии на снимках уравнивать по размеру с другими членами политбюро и через два часа принести мне новые рабочие полосы. А сейчас я планерку закрываю. Номер к печати не готов.

Но ни через два часа, ни через шесть часов реконструкция лица председателя ревизионной комиссии не удавалась в соответствии с его служебным положением среди членов политбюро. Его лицо нагло выпирало из ряда.

В редакции, когда срывался номер, да еще элитный, в газете начинался переполох с явственными приметами истерики.

В секретариате перерыли весь архив, всех журналистов разослали по другим газетам, надеясь, что хоть там найдется подходящее и нужное фото. Тщетно: председатель ревизионной комиссии на всех снимках словно вываливался своей физиономией из главного, можно сказать, верховного ряда. К ночи дело приняло угрожающий поворот. Номер с материалами съезда коммунистической партии явно срывался. Это грозило скандалом, оргвыводами и потерей авторитета областной газеты.

К одиннадцати часам вечера редактор вызвал меня к себе в кабинет. Я к этому времени доклад Брежнева прочел уже на три раза. Но если сегодня попросили бы меня вспомнить хоть что-нибудь из него — хоть убейте, не вспомню. А вот про двадцатый съезд партии, сделанный Хрущевым, помню почти все. Считаю, что эти странности памяти зависят от темы, языка документов и от того, что ложится на сердце.

Вот о чем я думал, когда шел к редактору. Он сидел в своем кресле уставший, пил кофе и с неохотой посматривал на рабочие полосы неподписанного еще номера.

— Мы сейчас поедем с тобой к Ивану, редактору «Советского воина». Возможно, что у них есть не сильно мордатый председатель ревизионной комиссии, — сказал грустно редактор.

Он повернулся в кресле, развел обреченно руками, словно показывая, что больше делать нечего и такова газетная судьба, и встал — тогда еще высокий и красивый.

В окружную воинскую газету мы приехали к часу ночи. Полковник Плотников нас уже ждал – два редактора давно дружили.

– Ну, – сказал нетерпеливо один другому. – Показывай снимки.

– Нет, – отказался полковник. – Сначала ты успокойся. Все равно график уже сорван. Да и нам с тобой не привыкать подписывать номера к утру. Главное, чтобы они вышли. Давай-ка, выпьем понемногу... Я к твоему приезду приготовился. Полковник открыл шкаф, поставил бутылку коньяка, три рюмки на свой стол и открыл коробку шоколадных конфет. Мы выпили раз, выпили два и... на посошок. И только потом нам принесли клише. На одном из них теснился председатель ревизионной комиссии. У него и здесь была, как говорили мы в детстве, рожа по циркулю. Но она почему-то не выделялась из ряда членов политбюро.

– Ты как этого добился? – Сразу же спросил наш редактор.

– Да я тоже все увидел, как и ты, – смеялся полковник. – Нам, редакторам, положено быть бдительными. Мы вместо этого кандидата в члены политбюро щелкнули нашего обозревателя: у него тоже не лицо, а квашня, Стерли середину со снимка, а затем наш художник подрисовал, что надо. Провели, так сказать, липоксацию. И вот, видишь, получился вполне приличный председатель ревизионной комиссии. Даже лучше, чем на оригинале.

– А не попадет, если узнают?!

– Да кому он нужен?! – еще раз хохотнул полковник. – Уже на Брежнева не обращают внимание. Ты же понимаешь, к чему все катится...

На этом мы попрощались, и к утру номер был подписан. Я поехал домой в полной уверенности, что это был последний съезд партии. Но, может быть, предпоследний. Сейчас не помню...

ЧЛЕН БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

Конечно, наш Петя после того, как редактор отстранил его от дежурства по номеру со съездом партии, напился. Он ходил по редакционным кабинетам и каждому сотруднику жаловался на свою судьбу.

– Он забыл, – сообщал он, – что мы вместе с ним кончали партийную школу. Он забыл, что я его тоже спасал, когда он прокололся на одной районной бабехе. Он забыл, что я раз сто дежурил вне графика по ночам. По его просьбам. А теперь вот Петра Николаевича надо отстранить, унижить старейшего журналиста газеты перед коллективом...

Впрочем, едва ли наш Петя чувствовал себя униженным. Его позиции в редакции были непоколебимы. Редактор никого из своих стариков не увольнял. Все они были толковые, преданные газете и ему рабочие клячи, которые свое дело знали назубок. Кроме того, он жалел их и знал, что ждет старых журналистов после увольнения с работы: жалкая пенсия, одиночество и неистребимая, никак не гаснущая любовь к журналистике, но уже никем по обыкновению не востребованная.

Высказав во всех кабинетах все свои жалобы, наш Петя свои стенания обычно завершал так:

– Хороший ты человек, но будешь еще лучше, если дашь мне пятерку до гонорара.

Правда, к женщинам наш Петр Николаевич не обращался: знал заранее, что не дадут. Только на мужиков надеялся и никогда не ошибался. Так он в тот день появился и в моем кабинете:

– Олег! – принялся тянуть он. – Я тебя поздравляю с выходом второй книги. Еще не читал, но знаю твой талант. Скоро у нас будет свой писатель. И неужели писатель откажется дать мне пятерку до гонорара?!

Я расхохотался: наш Петя был точно психолог. Пришлось покопаться в карманах и достать уже далеко не первую пятерку, которые Петр Николаевич никогда и никому не отдавал.

– Эх! – вздыхал, уходя, вечный зам. ответсека. – Жизнь наша – копейка, но в ней есть свои прелести. Но только в рублях.

Тогда Петя еще не знал, что вскоре его все-таки ждет увольнение из редакции. И уж тем более он не мог предполагать, что жизнь накажет старика опять по вине Политбюро ЦК КПСС. Но уже во главе с новым генеральным секретарем – Горбачевым Михаилом Сергеевичем.

В тот день Петр Николаевич стоял в цехе у верстака и колдовал над первой полосой. Его вызвали в цех, потому что в полосу не влезало какое-то официальное сообщение. В цехе никакие сообщения не резали, если речь шла об официозе. Для этого приглашали из редакции сотрудника секретариата. Пришел Петр Николаевич.

И увидел, что надо сокращать строк двадцать. Для него обычно это была трудность минуты на две-три. С текстами и заголовками сотрудников редакции он справлялся легко и не колеблясь. С официозом был осторожнее – жизнь выучила. Но шли уже времена перестройки, когда трудовая дисциплина слабела на всех этажах власти и производства. Петя быстро сократил девятнадцать строк. Но последнюю строчку в перечне должностей генерального секретаря он никак «ужать»

не мог. Все надо было оставлять. Куда денешься?! Но потом, как он посчитал, нашему деду пришла в голову светлая идея. Его рассуждение вытекало, вроде бы, из логики. Раз Горбачев – Генеральный секретарь ЦК КПСС и член политбюро, то на хрена сообщать, что он еще и член КПСС. Зачем это многочленство? Тем более что член политбюро оставался в тексте и, конечно, не сокращался. А член КПСС раздваивался.

Слово «член» оставалось в тексте. Но «КПСС» переползло на ту последнюю строчку, которую наш Петя и решил сократить. Он ее и выкинул из текста. То есть «член» оставил, а КПСС убрал, посчитав, что все в порядке.

Затем поднялся к себе на этаж, достал из сейфа ветеранские сто граммов, быстро принял и придвинул к себе два оригинала с рассказами знакомого фронтовика. С ним они вместе ходили после девятого мая по школам и техникумам, куда их приглашали как бывших солдат сибирских дивизий. Петр Николаевич считал эти визиты жатвой. Везде им давали по сто граммов и подарки как защитникам Родины. В жатву Петр Николаевич обязательно оставлял заначку. В сейфе.

На дворе как раз стоял май. Все уже цвело и журчало. У нашего Пети было легко на сердце и приятно урчало в желудке. Никаких неприятностей он не ожидал. Но уже на следующий день они свалились на него, как в ураганный ветер. В секретариате появились два совершенно неприметных мужика, по взглядам которых Петр Николаевич сразу понял, что они к нему. В нем сохранилась фронтовая привычка хорошо чувствовать людей и понимать их. Неприметность пришедших мужиков настораживала.

– Вы ко мне? – еще на что-то надеясь, спросил он.

Ответ был утвердительный: «К вам».

– Прочтите эти строчки, – сказали нежданные гости, ткнув в первую страницу свежего номера родной газеты. – Они подчеркнуты.

Петр Николаевич раз за разом читал подчеркнутые строчки и ничего понять не

мог. Никакого крамольного смысла в них не было. Горбачев – генеральный секретарь. Это правильно. Член политбюро – тоже правильно. «Чего же от меня этим гэбэшникам надо?!»

Но ему пришли на помощь сами нежданные гости.

– Скажите нам, – спросил тот, что был постарше, и сочувственно улыбнулся. – У нас генеральный секретарь еще член чего-то?! Или он просто член без продолжения?!

И тут Петр Николаевич вспомнил: вчера в цехе он убрал КПСС из текста, а слово «член» по забывчивости и из-за суеты оставил. Надо же! Какой прокол... Этого мне не простят. Его стали одолевать досада и злость. Страха он, фронтовик, не знал.

– Да это же и так понятно, – восстал наш дед, – если написано, что Горбачев генеральный секретарь ЦК КПСС, то на хрен писать, что он еще и член КПСС?!

Гости хмыкнули и, к удивлению Петра Николаевича, ...согласились с ним.

– Возможно, что и не надо было писать. Но это не вам решать. А кроме того, вы могли сократить и слово «член». Но вы оставили его без продолжения и объяснения. И теперь загадочная должность нашего генерального секретаря воспринимается как-то оскорбительно и унижительно. Оставить это без последствий мы не можем...

Через день наш Петр Николаевич уже ходил по редакции с увольнительным листком. Мы все ему сочувствовали. А через два года он появился в редакции и рассказал под общий хохот удивительную историю.

– Сижу в ресторане с одним фронтовиком из нашей дивизии. Ну, вспоминаем, болтаем и пьем по полной. Вдруг подходит мужик, здоровается, извиняется за беспокойство и говорит: «Едва ли вы меня помните. Но я должен перед вами извиниться. Вам когда-то от нас попало... А зря. Вы правильно написали про Горбачева, что он просто член... без продолжения». Этот мужик поставил нам на стол бутылку водки и быстро ушел.

– Вот тогда я опять вспомнил о причинах своего увольнения, – с удовольствием сказал наш Петя... и крикнул.